

Завершив встречу, Тань Чжаого распорядился позвать Лу Иня в кабинет.

Стоило юноше переступить порог, как пожилой мужчина обернулся. Суровые черты его лица смягчились, уступая место теплой, почти дружеской улыбке.

— Давно не виделись, Сяо Инь.

— Здравствуйте, дедушка Тань.

Тань Чжаого жестом указал на кресло для гостей. Едва Лу Инь сел, старик заговорил:

— Сяо Мо упоминал, что ты съехал из дома. Сун Хайнин души не чает в своем бастарде, так что тебе там наверняка жилось несладко.

Хозяин кабинета сразу перешел к делу, и Лу Инь тоже не стал ничего утаивать.

Выслушав его короткий рассказ, Тань Чжаого помрачнел.

— Сун Хайнин — неблагодарная тварь, которая не помнит добра, — отрезал он. — Я попросил Сяо Мо привезти тебя сегодня только потому, что есть вещь, о которой ты имеешь полное право знать. Но прежде чем я поделюсь этим, мне нужно быть уверенным, что ты сможешь здраво все оценить.

— Я готов слушать, — Лу Инь тоже посерьезнел.

Тань Чжаого откинулся на спинку кресла и внимательно всмотрелся в юношу. Когда этот влиятельный человек становился серьезным, от него исходила подавляющая, властная аура. Мало кто осмеливался встречаться с ним взглядом столь же спокойно и уверенно, без тени робости.

Спустя мгновение старик громогласно, искренне рассмеялся, явно довольный увиденным.

— Хорош! Действительно хорош. Сразу видно — сын Лу Мэй! Твоя мать в свое время была легендой Цинхэ. У нее деловая хватка была в крови, ни один из тогдашних сопляков и в подметки ей не годился. Унаследуй ты хоть половину ее таланта, корпорация Шэньлу под твоим началом достигла бы невероятных высот.

Слушая рассказы о прошлом, Лу Инь невольно поддался светлой грусти.

— Жаль только... — при упоминании зятя-приймака лицо пожилого магната вновь посуровело.

— Сяо Инь, ты никогда не задумывался о том, что Сун Хайнин, возможно, вообще не твой отец?

Лу Инь застыл. Сердце забилося чаще, а в голове вихрем пронеслась догадка, дававшая ответ на вопрос, который мучил его долгие годы.

— Вы хотите сказать...

— Именно, — кивнул старик. — В твоих венах нет ни капли его крови.

Лу Инь опустил взгляд, пытаясь унять внезапную бурю в душе.

Тань Чжаого неторопливо продолжил:

— Мало кто знает об этом. Я сам услышал случайно и когда-то обещал твоему деду держать язык за зубами. Но я не из тех упрямых стариков, что уносят чужие тайны в могилу. Ты уже взрослый и заслуживаешь правды. И пойми правильно: я вовсе не виню твою мать в неверности. Лу Мэй не сделала ничего предосудительного.

— Я верю маме, — твердо произнес Лу Инь.

— В то время твоя мать забеременела тобой вне брака и твердо решила рожать, — рассказывал Тань Чжаого. — Но дед посчитал это несмыслаемым позором для семьи. Он поставил условие: передаст ей бразды правления Шэньлу только в том случае, если она примет в дом зятя. Ты ведь знаешь, каким упрямым консерватором он был. Они долго воевали, пока твой дед не привел Сун Хайнина.

Старик погрузился в воспоминания:

— Всех подробностей я не знаю. Бог весть, как именно Сун Хайнин сумел втереться в доверие к твоему деду, но парень определенно умел заговаривать зубы. Он поклялся, что примет тебя как родного, и этой сладкой ложью обвел всех вокруг пальца.

О том, что произошло дальше, Лу Иню рассказывать не требовалось — он и сам все прекрасно помнил.

— Сун Хайнин тогда был всего лишь безвестным стажером в агентстве. Нищий, без гроша за душой, — продолжал Тань Чжаого. — Но он разыграл эту карту безупречно. Попал в струю — и сразу взлетел до небес.

— Вот оно как, — пробормотал Лу Инь. — Значит, вот в чем дело.

Ему и в голову никогда не приходило нечто подобное. Теперь пазл сложился. Всё встало на свои места.

— Он сам напросился на роль приживала ради сытой и богатой жизни, никто не гнал его в шею и не приставлял нож к горлу, — жестко произнес Тань Чжаого. — Сяо Инь, это был его осознанный выбор. А за свой выбор нужно отвечать. Твоя мать ни в чем не виновата. Виноват только этот подлец. Он изменял ей, тайно содержал любовницу и растил нагулянного ублюдка... Да он по жизни по уши в долгу перед вашей семьей!

Лу Инь до боли сжал подлокотник кресла — костяшки пальцев побелели. Собеседник замолчал, давая юноше возможность совладать с нахлынувшими чувствами.

— Дедушка Тань, а вы знаете, кто он? — Лу Инь поднял глаза. — Я имею в виду моего биологического отца. Того, кто зачал меня.

Тань Чжаого покачал головой:

— Нет. Твоя мать упоминала лишь, что они расстались мирно. Она решила оставить ребенка не из-за угасающих чувств к бывшему, а просто потому, что искренне захотела подарить тебе жизнь. Вот и все.

Парень молча смотрел на полированное дерево стола.

— Не принимай это близко к сердцу, — со вздохом добавил старик. — Я открыл тебе глаза только ради того, чтобы ты не позволял фальшивым семейным узам крутить собой. Не будь беззащитной жертвой, умей давать сдачи.

Выйдя из кабинета, Лу Инь проверил телефон и увидел сообщение от Тань Мо: тот звал его в северный сад поместья.

Территория поместья Синего Озера была огромной, с несколькими роскошными садами. Следуя указаниям встреченной по дороге служанки, Лу Инь направился в северную часть усадьбы и еще на подходе услышал залиvistый собачий лай.

Наперерез ему из кустов вылетел крупный черный пес. Прыгнув, он на лету поймал брошенный Тань Мо мяч и при приземлении чуть было не сбил Лу Иня с ног. В последний момент натянувшийся поводок осадил животное. Кобель недовольно заворчал, вынужденный остановиться, и принялся настороженно обнюхивать незваного гостя.

В прошлой жизни Лу Иня многое связывало с этим псом по кличке Тираннозавр. После безвременной кончины Тань Мо заботу о верном добермане юноша взял на себя. Умная собака так и не смогла оправиться от тоски по прежнему хозяину и спустя четыре года тихо угасла в одну из снежных ночей.

Тань Мо негромко свистнул:

— Знакомься, это мой сынок, Тираннозавр. Мелкий, фу, нельзя!

Трехлетний доберман тихонько заскулил и несмело ткнулся мокрым носом в лодыжку Лу Иня, прикусив край его брючины. Юноша присел на корточки и уверенно погладил пса по мускулистой спине. От этих привычных ласковых движений зверь блаженно зажмурился.

— Надо же, — удивился Тань Мо. — Похоже, ты ему приглянулся.

Он заворуженно наблюдал за тем, как Лу Инь ласкает собаку. Тань Мо редко доводилось видеть на его лице столь мягкое, почти нежное выражение.

«Ну и дела.»

«Глупо, конечно, признавать, но я, кажется, ревную к собственной собаке. Совсем не круто.»

— О чем вы там так долго беседовали с дедом? — поинтересовался Тань Мо.

— Да так, пустяки, — ответил Лу Инь, не поднимаясь с корточек. — Оказывается, мы с Сун Хайнином не родные по крови. Он мне не отец.

Тань Мо опешил:

— Вот как?

— Когда он пришел в нашу семью, то божился любить меня как родного, но нарушил клятву при первой же возможности, — Лу Инь равнодушно пожал плечами. — Хотя для меня это скорее облегчение. По крайней мере, теперь я точно знаю, что во мне нет его гнилой крови.

— Твоя правда. Получается, твой настоящий... Впрочем, если не хочешь, не говори.

— Хочешь узнать, кто мой биологический отец? — прямо спросил Лу Инь. — Я понятия не имею. Да и желания искать его у меня нет.

— Совсем не любопытно?

— Зачем мне думать о безответственном типе, который шел на поводу у собственных инстинктов? К тому же я давно перерос тот возраст, когда отчаянно нуждаются в папочке. Меня всё устраивает в моей жизни, менять я ничего не хочу и уж точно ничего от него не жду.

Тань Мо тоже опустился на корточки, ловя его взгляд:

— И то верно.

Потрепав добермана еще немного, Лу Инь собрался подняться, но разыгравшийся Тираннозавр требовал продолжения. Пес уперся лапами ему в колени и навалился всем весом. Не удержав равновесия от такого напора, юноша повалился на спину и сел прямо на траву.

В падении он случайно задел ладонью замаскированный в траве датчик автополива. Газонные форсунки мгновенно сработали, и на Лу Иня обрушились веера холодных брызг, пропитав одежду насквозь.

Ошарашенный парень смахнул воду с лица и поднял голову. Тань Мо замер, не отводя от него глаз. Только когда Лу Инь окликнул его несколько раз, тот наконец стряхнул с себя оцепенение.

Тань Мо молча протянул руку и рывком поднял его на ноги. Промокшая насквозь ткань неприятно липла к телу. Едва Лу Инь развернулся, намереваясь пойти переодеться, Тань Мо окликнул его. Он быстро стянул с себя куртку и протянул ее пострадавшему, кивком предлагая повязать ее вокруг бедер.

Лу Инь опустил взгляд и только теперь понял, в чем дело. Из-за визита к старшему Таню он сегодня оделся с иголки. Приталенная белоснежная рубашка индпошива от влаги стала практически прозрачной, плотно облепив тело и выставляя напоказ изящные изгибы. Под тонкой мокрой тканью угадывался рельеф поджарых, сухих мышц. Его фигуру нельзя было назвать хрупкой, но талия казалась невероятно узкой.

Подобное зрелище могло легко разбудить нескромные фантазии. Не желая расхаживать в столь неподобающем виде, Лу Инь без лишних слов забрал куртку Тань Мо и повязал ее на поясе.

Тань Мо с ухмылкой наблюдал за тем, как парень затягивает рукава узлом.

— Помнится, ты интересовался, как там поживает моя поясница?

— С ней всё в полном порядке, лучше не бывает, — хмыкнул он, а затем его потемневшие глаза скользнули вниз, к скрытой под чужой одеждой талии. — Зато мне дико интересно другое: каково это — обладать такой тонкой талией? Справится ли она со мной?

Вместо ответа Лу Инь развернулся и зашагал прочь. Вслед ему полетел искренний, залиvistый смех. Позади послышались торопливые шаги — Тань Мо нагнал его в два счета и по-хозяйски закинул руку ему на плечо. Они пошли к дому бок о бок, их длинные тени растянулись по траве в золотых лучах заходящего солнца, а следом с веселым лаем мчался счастливый Тираннозавр.

Выяснив правду о своем происхождении от Тань Чжаого, Лу Инь решил навестить дом Сунов. Во-первых, ему требовалось раздобыть материал для проведения ДНК-теста. Во-вторых, во время своего поспешного переезда он оставил там немало личных вещей. Все эти дорогие вещи он покупал на дивиденды от акций, завещанных матерью, и оставлять их в подарок Сун Яну было бы верхом расточительства. Сама мысль об этом вызывала у него отвращение.

Стоило Лу Иню припарковать машину у особняка, как поливавший цветы у ворот дворецкий застыл в изумлении. Опомившись, старик бросил шланг и торопливо засеменил внутрь дома — явно спешил предупредить хозяина.

Лу Инь не спеша последовал за ним и, опередив прислугу на полкорпуса, толкнул массивную входную дверь. Сидевшие в гостиной люди разом обернулись на шум. Оживленный смех тут же стих. Праздничная атмосфера мгновенно испарилась, уступив место тяжелому молчанию.

Юноша окинул гостиную бесстрастным взглядом. Внимание его привлекла фигура на центральном диване: в самом сердце этого радушного семейного круга сидел Цзян Боянь. Сун Ян нежно прижимался к его плечу, держа под руку. С лица Цзян Бояня еще не успела сойти приветливая улыбка, как под прямым, холодным взглядом вошедшего его внезапно захлестнуло острое чувство вины.

— Давно не виделись, — на губах Лу Иня заиграла едва заметная холодная усмешка.

Цзян Боянь вздрогнул, выронив чашку — та со звоном покатилась по полу, проливая чай. Он резко оттолкнул от себя Сун Яна и вскочил на ноги. Парень застыл посреди комнаты, не зная, куда деть руки, впервые в жизни испытывая столь жгучую неловкость.

«Черт бы все побрал!»

Сун Ян пребольно ударился затылком о спинку дивана. Потирая ушибленное место, он недоуменно воззрился на жениха:

— Ты чего? Это же просто Лу Инь...

— Терпеть его не могу, — буркнул Цзян Боянь сквозь зубы, торопливо перебивая его, чтобы не выдать себя, и угрюмо опустился обратно на подушки дивана.

Лу Инь уверенно прошел в центр зала. Сун Хайнин демонстративно, грозно нахмурился и процедил:

— И надо же, соизволил явиться! Паршивец... Сбежал из дома без предупреждения, решив, что я не посмею проучить тебя как следует?

— Дядя Сун, — недовольно поморщился Цзян Боянь.

Глава семейства спохватился, будто лишь сейчас вспомнив о присутствии почетного гостя, и поспешно нацепил вежливую маску:

— Прости мне эту сцену, Боянь. Мой старший совсем от рук отбился, заставил тебя наблюдать этот позор.

Когда Лу Инь проходил мимо дивана, Цзян Боянь лишь натянуто, вымученно улыбнулся в ответ на извинения хозяина дома.

Поднявшись на второй этаж, Лу Инь замер в коридоре, прислушиваясь. Убедившись, что следом никто не идет, он бесшумно проскользнул в спальню Сун Хайнина. Отыскав на висевшем в шкафу пиджаке несколько выпавших коротких волосков, он аккуратно убрал их в пакет, а для надежности заглянул в ванную и срезал пару щетинок с его зубной щетки.

Закончив с этим, он вернулся в собственную комнату. Воздух внутри оказался спертый и пыльным — здесь явно давно не прибирались. Юноша отмахнулся от поднявшейся серой взвеси, быстро покидал в чемодан самые ценные вещи и направился к выходу.

— Лу Инь, стой!

Стоило ему переступить порог с чемоданом в руках, как раздался оклик дежурившего в коридоре Цзян Бояня. С опаской оглянувшись по сторонам, гость вынул руки из карманов брюк и стремительно направился к нему, но за шаг до Лу Иня нерешительно замер.

На контрасте с праздничным, шумным весельем внизу, одинокая фигура Лу Иня с дорожной сумкой в руках казалась ему... щемяще незащищенной.

«Какого черта? Неужели мне его жаль?»

<http://bllate.org/book/20470/2131033>